

РЕЦЕНЗИИ

© 1997 г., ЭО № 2

Д.М. Бондаренко. Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть. М., 1995. 340 с.

В Институте Африки РАН вышла в свет монография «Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть», ставшая завершением семилетнего труда ее автора. Насколько удалось ему справиться с масштабностью поставленных задач, решать компетентному читателю (здесь мы имеем в виду африканистов, до тонкостей знающих материал), а нам бы хотелось остановиться на тех аспектах, которые представляют общий интерес для этнологов, культурологов, социологов и читателей в самом широком смысле слова.

Сам автор придерживается концепции историзированного структурализма и не скрывает того, что большое влияние на него оказал Э. Эванс-Причард, а свое вдохновение он черпал в трудах К. Леви-Строса и что к европейским школам в антропологии он стоит ближе, чем к американским. Судя по духу монографии, большое влияние оказали на него труды М.Ю. Лотмана и А.Я. Гуревича, идеи которых автор оригинально использовал для интерпретации собственного материала. Бенинский материал в интерпретации Д.М. Бондаренко еще раз показал, как тесно мир природы в традиционном обществе сопряжен с миром человека, как связаны между собой представления о циклическом течении времени и представления о бесконечно-циклической человеческой жизни, встроенной в рациональное и «иррациональное» жизненное пространство (с. 33, 37, 40, 85). Далее автор подчеркивает неотделимость этих представлений от социальных ценностных ориентаций бенинцев, открывая перед читателем систему «индивид – общество» и значение связанных с этой системой категорий свободы, права, богатства и пр. (с. 51, 52, 170–172, 175). Но самым главным, пожалуй, стало то, что автору удалось показать механизм смещения и изменения этих представлений в ходе исторического процесса и «актуализацию» тех или иных тенденций, заложенных в традиционных представлениях.

Важная особенность монографии – сочетание фундаментальности и духа новаторства, проявившегося в наибольшей степени в первых двух главах. Привлечение материала по изобразительному и прикладному искусству, а главное – выяснение его значения для интерпретации особенностей ментального склада членов бенинского общества – редкое явление в работах с социологической направленностью. Надо отдать должное исследовательской смелости автора, не побоявшегося вступить в бурные воды культурологии, где так много спорного и нерешенного и где еще не вполне выяснен «набор» категорий «универсалий» (впрочем, «универсалии» – не мера, а содержание культурной традиции, поэтому выявление хотя бы некоторых из них – уже большая исследовательская удача), по которым можно проследить формирование образа мира и места человека в нем, особенно когда речь идет о конкретной личности – носителе данного «образа мира». Иногда кажется, что автор намеренно излишне упрощает ситуацию, чтобы не затонуть в дискуссионных вопросах. Примером такого упрощения проблемы представляется следующее утверждение: «Бенинцы живо реагируют на уже многократно слышанное повествование. И хотя речь в нем идет о событиях, якобы имевших место давно, они кажутся актуальными и не имеющими заранее известной развязки. Представляется, что стоит рассказчику изменить финальный эпизод предания, и исторический финал тоже в самом деле станет иным» (с. 41). Исходя из предыдущего повествования ясно, что рассказчику как члену данного социума и носителю этой ментальности не могло и в голову прийти изменять канонический сюжет. Такой «авангардизм» шел бы вразрез со всеми представлениями о сакральности исторического прошлого и мог бы быть расценен как «кощунство» и «святотатство» и, следовательно, «живая реакция» на не единожды слышанный рассказ, которую М.Ю. Лотман называет «информационным парадоксом» канонического искусства, ничего общего не имеет с ожиданием того, что конец может оказаться другим. Ожидать такое означало бы ментальную революцию, но известно, что сначала очень постепенно изменяется и отмирает канон, а лишь затем торжествуют новая духовность и идеология и как результат этого процесса – новая ментальность. Бенинское общество (как и многие другие архаические общества) не было склонно к революциям такого рода. Автор сам отмечает, что «канон как своего рода смысл и суть бенинского искусства, отражая характер мировидения людей этого общества, выродившись в догму, окончательно и всецело победил то, что мы, европейцы, собственно, и называем искусством, художественным творчеством» (с. 73). Все-таки нельзя согласиться с европоцентристской характеристикой представлений о сути и назначении искусства, тем более что и в Европе не сразу утвердилась идея творчества как самовыражения художника-индивида. Здесь явно имеют место смещение акцентов и противоречие основной идее самого автора, желавшего показать на широком материале (включая и прикладное искусство) способы самоорганизации общества, в качестве которого «догматический» общегенинский канон, отражающий «бениноцентризм», служит наилучшим образом.

Эти примеры дают ощущение неровности книги. Думается, что попытка автора историзировать структурализм на материале первой главы удалась несколько меньше, чем на материале последующих. Первая и вторая главы («Человек. Бенинец в мире культурной действительности» и «Общество. Бенинец в мире социальной действительности») выполнены как самостоятельное исследование, но они как бы «подготавливают» читателя к восприятию третьей главы, в которой автор окончательно расставляет акценты и дает свои собственные ответы на спорные вопросы.

Третья глава особенно интересна тем, что представляет собой первую попытку дать целостное описание общества с учетом всех уровней его функционирования и показать не только политическую структуру, политическую организацию общества и ментальную характеристику общества в отдельности, но и продемонстрировать механизмы их взаимодействия.

Благодаря тому что исследование было ориентировано на комплексное описание общества, автору удалось показать также и взаимодополнение всех вышеупомянутых сфер. Так, например, четырем кругам мифологической реальности соответствуют четыре круга политической реальности (с. 276). При этом есть некая гомологичность в самой организации этих кругов, когда наиболее значимым из них является второй круг. Все эти стороны оказываются сторонами проявления единого целого, чего нельзя было бы выявить при изолированном рассмотрении деталей картины бенинского социума.

Достаточно интересной представляется предложенная автором концепция мегаобщины, в основе которой лежит важное наблюдение о единстве принципов организации на разных уровнях политической структуры. Организация надобщинных уровней политической системы оказывается в основе гомологичной принципам организации общины. Здесь также сказывается преимущество синтезирующего подхода автора. Рассмотрение изолированно общей политики и отдельных общин не могло бы дать столь продуктивного результата. «Мегаобщина» представляется удачным термином для такого рода образований, где есть некая непрерывность принципов политической организации, где надобщинные и политические структуры строятся по общинной матрице.

Возможно, главным недостатком этой главы является некоторая непоследовательность автора в отходе от однолинейной схемы развития общества, до конца преодолеть которую ему, на наш взгляд, не удалось. Несмотря на все попытки автора, эта схема постоянно находит себе дорогу в авторский текст. Например, на с. 261 читаем: «В обществах Бенинского залива... власть еще не отделилась полностью от народа». Уже здесь заложена некая убежденность, что власть от народа обязана рано или поздно отделиться. С порога отвергаются возможные альтернативы: стабилизация текущего состояния либо дальнейшее развитие сложной политической системы с совершенствованием контроля управляемых над управляющей субсистемой. Мы склонны интерпретировать предложенный автором материал как иллюстрацию возможности достижения обществом высокого уровня сложности и развитости без развитых отношений эксплуатации и угнетения.

Мы видим, что у автора есть некая априорная убежденность в том, что бенинское общество движется по некой неумолимой траектории от состояния безгосударственного к государственному, хотя материал показывает, что это общество может долгое время достаточно успешно развиваться, не вырабатывая государственных институтов. В целом движение к государству выступает у автора в качестве едва ли не единственного направления социальной эволюции. В качестве необходимого условия здесь рассматривается развитие межсословных и межклассовых барьеров (с. 274). В то же самое время приводимый автором материал скорее показывает возможность прогрессивного развития без появления подобных жестких барьеров, тем более что и сравнительный исторический материал заставляет сомневаться в том, что ужесточение подобных барьеров можно отождествлять с социальным прогрессом. В итоге автор характеризует бенинское общество как позднерывыбитное, а главным критерием для него служит отсутствие в Бенине государства (с. 284).

Нам представляется, что автор выдвигает слишком жесткие критерии и завышенные требования к государственности как таковой. Например, в качестве такого завышенного требования выступает искусственное территориальное деление (территориальная организация), что вообще в доиндустриальном мире большая редкость. Но если применять такие критерии как универсальные, мало какие из сложных доиндустриальных обществ могут выдержать тест на государственность. При последовательном проведении логики автора практически все европейские общества до XIV–XV вв. нужно было бы считать первобытными или позднерывыбитными.

В Заключении автор еще раз выделяет те принципы, на которых строилось его исследование, и подчеркивает основные выводы, не скрывая, что рассмотренные им проблемы далеко не исчерпали себя, а может быть и не имеют однозначных решений.

Книга снабжена также Заключением на английском языке и обширнейшим списком используемой литературы. Несомненно, данная монография будет замечена историками и антропологами и займет достойное место в литературе по африканистике.